

Баталов Александр Александрович, Огуречникова Наталия Львовна

ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА XX ВЕКА

Статья посвящена анализу речевого этикета в русской литературе XX века. В соответствии с установленным в обществе порядком поведения собеседники, как правило, проявляют в речи вежливое, доброжелательное отношение друг к другу, используя единицы языка, которые окказионально могут служить инструментом передачи этикетных норм. В статье выявляются особенности русского речевого этикета, связанные не столько с инвентарем языковых средств, сколько с характером их употребления и сопутствующими семантическими процессами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/2-2/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 2(80). Ч. 2. С. 285-290. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. **Новый большой англо-русский словарь:** в 3-х т. / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой. М.: Рус. яз., 2000. 2484 с.
4. **Попова З. Д., Стернин И. А.** Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. 314 с.
5. **Серебрянников Б. А., Кубрякова Е. С., Поставалова В. И. и др.** Роль человеческого фактора в языке: языковая картина мира. М.: Наука, 1988. 216 с.
6. **Alanne E.** Observation of the Development and Structure of English Growing Terminology // Memoires de la Societe Neophilologique: Uusfilologinen Yhdistys. Helsinki, 1959. P. 33-36.
7. **Bosworth J., Toller T. N.** An Anglo-Saxon Dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1882. Vol. 1. 1302 p.; Vol. 2. 768 p.
8. **English-Russian Dictionary of Agriculture.** Moscow: At Russky Yazyk, 1986. 875 p.
9. **Longman Dictionary of Contemporary English.** Pearson Education, Limited, 2001. 1755 p.
10. **National Geographic** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.natgeotv.com/ru> (дата обращения: 13.06.2017).

THE REAL AND THE VIRTUAL IN NOMINATION OF CONTINENTAL FAUNA OF THE ANIMAL WORLD

Baltachev Vladimir Gennad'evich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Izhevsk State Agricultural Academy
info@izhgsha.ru

The article is devoted to the problem of describing nomenclature of fauna nominations in the modern English language from the position of linguistic semantics. It emphasizes the dominant terminological nature in the nominations under consideration, which, however, does not exclude the formation of derivative connotations in their functional-semantic format. In the article, it is a feature of zoonyms-terms that are collectively considered as a part of the language information received by the native speaker as a result of their semantic mapping.

Key words and phrases: nominative means; creative thinking; semantic mapping; lexicalized concept; linguistic worldview; continental flora and fauna; hypero-hyponymy; zoonym; geolocation; connotative meaning; gender and aspect nomination.

УДК 80

Статья посвящена анализу речевого этикета в русской литературе XX века. В соответствии с установленным в обществе порядком поведения собеседники, как правило, проявляют в речи вежливое, доброжелательное отношение друг к другу, используя единицы языка, которые окказионально могут служить инструментом передачи этикетных норм. В статье выявляются особенности русского речевого этикета, связанные не столько с инвентарем языковых средств, сколько с характером их употребления и сопутствующими семантическими процессами.

Ключевые слова и фразы: средства речевого этикета; языковая культура; коммуникативная инверсия; эвфемизация сообщений; семантический сдвиг; антиэтикетная трансформация.

Баталов Александр Александрович
Огуречникова Наталия Львовна, д. филол. н., доцент
Российский университет дружбы народов, г. Москва
thebatalovs@gmail.com; ogurechnikowa@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА XX ВЕКА

1. Изучение русского речевого этикета

Изменения языка и речевого этикета на современном этапе развития русской языковой культуры в настоящее время заметны не только специалистам, занимающимся анализом речевого поведения с различных точек зрения, – психолингвистам, социолингвистам, преподавателям русского языка и культуры речи, – но и обычным носителям языка. Последние трактуют такие изменения по-разному: «...старшее поколение рассматривает результат подобных изменений как простое и случайное нарушение (невоспитанность молодежи), а младшее – напротив, как норму» [7]. Возникает ситуация, когда «множественность культурных моделей создает множественность... норм» [4, с. 118]. Таким образом, изучение особенностей русского речевого этикета и его динамики является одной из актуальных задач современного языкознания.

Отечественные исследования, посвященные русскому речевому этикету, можно условно разделить на лингвистические и лингвокультурологические. В лингвистических исследованиях, посвященных речевому этикету, рассматриваются различные виды общения с формальной и содержательной стороны, при этом особое внимание уделяется формулам речевого этикета [14].

Лингвокультурологические исследования, посвященные изучению речевого этикета в связи с особенностями национальной культуры, являются неотъемлемой частью общей проблемы речевого этикета. Представляется, что первостепенное значение в указанной области имеют сопоставительные исследования, посвященные сравнению различных языковых культур в аспекте речевого этикета.

Национальная специфика проявляется в предпочтении тех или иных средств в схожих коммуникативных ситуациях; в использовании синонимичных этикетных единиц в различных этикетных ситуациях (иными словами, в различии функционирования этикетных единиц в языках); в наличии национально специфических грамматических конструкций, не имеющих аналогов в другом языке [7; 13].

М. А. Кронгауз рассматривает русский речевой этикет в его развитии и кросс-культурном сравнении, анализируя набор типовых ситуаций речевого общения [7]. О. А. Крылова анализирует речевые акты приветствия в аспекте синтаксиса, прагматики и национальной культуры речи [8]. Имеется ряд научных работ, авторы которых стремятся установить параллели между основными речевыми моделями этикетных формул в русской речи, учитывая наличие у многих формул речевого этикета дополнительных коннотативных значений. Такие исследования расширяют сведения о сугубо прагматических аспектах формул речевого этикета характеристикой передаваемого ими эмоционального содержания.

Исследования в данной области, как правило, касаются частных аспектов этого общего вопроса или же имеют пограничный характер. К примеру, в работе Ю. В. Рождественского [12] проблемы речевого этикета рассматриваются не сами по себе, а в связи с проблемами риторики, точнее закономерностями успешной коммуникации с аудиторией. Данное обстоятельство объясняется не в последнюю очередь сложностью и многоплановостью изучаемого явления – речевого этикета (РЭ).

К числу фундаментальных работ, связанных с вопросами русского речевого этикета, относятся работы Н. И. Формановской «Культура общения и речевой этикет» [14], «Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход» [15] и Т. В. Лариной «Англичане и русские: язык, культура, коммуникация» [9], «Категория вежливости и стиль коммуникации» [10]. При этом работы Н. И. Формановской, наряду с другими исследованиями, составляют обязательную теоретическую базу лингвопрагматических работ, посвященных русскому речевому этикету, а работы Т. В. Лариной являются необходимой теоретической основой соответствующих кросс-культурных исследований.

В последние годы изучение речевого этикета сконцентрировано на проблемах межкультурной коммуникации, что требует особого внимания к вопросам социально-культурных отношений и доминантам соответствующих культур, одной из которых выступает категория вежливости. В работе Т. В. Лариной «Англичане и русские: язык, культура, коммуникация» [9] предложен новый подход к изучению коммуникативного поведения с учетом типа культуры, социально-культурных отношений, культурных ценностей и особенностей коммуникативного сознания. Вежливость впервые рассматривается как система коммуникативных стратегий, проявляющихся в коммуникативном поведении. Т. В. Ларина рассматривает категорию вежливости как категорию словесной культуры, выявляя предпочтительные стратегии и доминантные черты коммуникативного поведения в русской лингвокультуре. Единицами анализа в указанной работе являются средства объективации вежливости в дискурсе, которые названы «сигналами вежливости», которые не сводятся к речевым формулам: помимо языковых средств сигналы вежливости включают степень экспрессивности, повторы, количество реплик и другие проявления вежливости.

В отечественном языкознании представлены две трактовки речевого этикета: более узкая, связывающая речевой этикет преимущественно с использованием формул речевого этикета, и более широкая, не ограничивающая речевой этикет формулами речевого этикета. Говоря о речевом этикете в узком смысле, исследователи трактуют его как речевое поведение, признаком которого является относительно автоматизированное воспроизведение устойчивых формул. При более широкой трактовке речевого этикета исследователей интересует весьма широкая зона единиц языка и речи, которые способствуют выражению доброжелательного отношения к собеседникам [14, с. 69]. Речевой этикет в широком смысле приравнивается к мотивированной речевой деятельности, которая является одним из видов социальной деятельности. Анализ вежливости и речевого этикета как речевого проявления вежливости предполагает внимание ко всем средствам речевого этикета (СРЭ), а также к социолингвистическим и социокультурным аспектам коммуникации, релевантным для речевого этикета.

Ниже представлены результаты исследования речевого этикета, характерного для определенного периода развития русской словесной культуры, а именно русского речевого этикета XX века.

2. Особенности русского речевого этикета (на материале художественных текстов)

В данном разделе статьи рассматриваются средства русского речевого этикета в контексте семантических процессов, протекающих в русской языковой культуре.

1. Вводные слова не всегда обслуживают РЭ, однако спорадически могут принимать на себя соответствующие функции, которые, однако, весьма разнообразны. В следующем диалоге вводное словосочетание «должно быть» служит приглашением к продолжению диалога:

«ЛУЧНИКОВ: Ваше превосходительство, ни одна из разведок мира за нами не стоит.

Фон Витте молчит. Глаза за линзами бессмысленно увеличиваются.

ЛУЧНИКОВ: Вам, должно быть, это трудно представить?

Фон Витте молчит. Глаза осмысленно сужаются» [1, с. 142].

В следующем примере вводный оборот «как я понимаю» отмечен контактоустанавливающей функцией, подчеркивающей внимание к собеседнику.

«Артем подошел к заведующему библиотекой – судя по внешнему виду, священнику.

– Добрый день, молодой человек, – сказал он. – Что желаете? Вы, как я понимаю, еще не записаны здесь?» [11, с. 241].

Количество вводных слов и оборотов, встречающихся в русской речи, весьма велико (видите ли, вероятно, должно быть, предположим, кажется, некоторым образом и др.); как показывает анализ материала, функции вводных слов не подлежат четкой классификации и могут быть описаны лишь применительно к конкретной ситуации общения.

2. В русской речи формы наклонений обслуживают РЭ, что не сопровождается какими-либо дополнительными семантическими процессами, которые модифицировали бы общеязыковую семантику форм наклонений.

«Я проводил бы тебя, но я уже не в силах идти один обратно, я боюсь.

Не бойся. Потерпи несколько часов» [3, с. 321].

«– Вот как приходится платить за ложь, – говорила она, – и больше я не хочу лгать. Я осталась бы у тебя и сейчас, но мне не хочется это делать таким образом.

– Бедная моя, бедная, – сказал я ей, – я не допущу, чтобы ты это сделала» [Там же].

Анализ текстов русской художественной литературы позволяет говорить о пяти особенностях языкового выражения категории вежливости и употребления СРЭ в русской речи. Рассмотрение таких особенностей можно начать с функций вопросов в речевом этикете. Между тем в русской речи использование вопросов нередко сопровождается коммуникативной инверсией.

3. Устойчивой функцией вопросов, выступающих в качестве грамматического СРЭ, является смягчение тональности диалога. Соответствующий перлокутивный эффект всякий раз нуждается в уточнении, однако это можно сделать лишь применительно к конкретной ситуации общения. Представляется возможным выделить три семантико-функциональных типа вопросов, связанных с РЭ, в русской диалогической речи:

А. Вопрос в функции вводно-предупредительной фразы, предваряющей изложение основного сообщения:

«С Тийной Нару нас познакомили общие друзья. Интересная, неглупая женщина, молодой ученый. Подготовил о ней зарисовку. Изредка Тийна попадалась мне в разных научных компаниях. Звонит однажды:

– Ты свободен? Мне надо с тобой поговорить» [5, с. 128].

«Ко мне застенчиво приблизился мужчина в тирольской шляпе:

– Извините, могу я задать вопрос?

– Слушаю вас.

Меня проводили в комнату сестры-хозяйки. Я взял трубку.

– Вы спали? – поинтересовалась Галина.

Я горячо возразил.

<...>

– Я договорилась насчет квартиры» [Там же, с. 24].

«Иван Дмитрич лежал в такой позе, как вчера, обхватив голову руками и поджав ноги. Лица его не было видно.

– Здравствуйте, мой друг, – сказал Андрей Ефимыч. – Вы не спите?» [16, с. 226].

Вопросы этого типа связаны с явлением, достаточно распространенным в сфере речевого этикета, которое можно назвать коммуникативной инверсией, поскольку их содержание отличается от содержания соответствующих лексико-грамматических структур; так, например, вопросы «Ты свободен?» [5, с. 128] или «Вы не спите?» [16, с. 226] задаются не для того, чтобы узнать, свободен ли (или, тем более, спит ли) собеседник, а для того, чтобы получить у собеседника разрешение на продолжение диалога.

Представляется, что коммуникативная инверсия является одним из характерных признаков русского РЭ, при этом коммуникативная инверсия весьма характерна для вопросов разного типа, связанных с проявлением речевого этикета. Так, например, вопрос «Вы выходите?», рассмотренный в работе Т. В. Лариной и вызывающий недоумение англичан [9, с. 19], задается в общественном транспорте не для того, чтобы узнать, выходит ли тот, к кому обращен такой вопрос, а для того, чтобы сообщить собеседнику о том, что выходит сам говорящий.

Б. Вопросы, передающие право решения собеседнику.

«Ирина, явно куражась, с блокнотом и ручкой подошла к нему. Фил молчал, не обращая на нее никакого внимания.

– Может быть, я все-таки пойду пообедать? – наконец, не выдержав, проговорила она» [6, с. 231].

«– Давай я отпрошусь?

– Зачем? Мне хочется послушать. Мне хочется видеть тебя на работе» [5, с. 92].

«Андрей Ефимыч пожал плечами, вздохнул и вышел. Проходя через сени, он сказал:

– Как бы здесь убрать, Никита... Ужасно тяжелый запах!» [16, с. 226].

В. Вопрос с функционалом просьбы. Просьба может быть грамматически оформлена как вопрос, что предоставляет собеседнику большую степень свободы в ситуации общения: возможный отрицательный ответ на вопрос формально не является отказом в просьбе.

«– Сержант, Вы можете оказать мне услугу? – спросил Лучников.

– Вам, Андрей? Буду счастлив, Андрей!» [1, с. 483].

«Я извиняюсь, – сказал пацан лет двадцати с сержантскими погонами. – У вас три литра бензина не найдется? Мне только до отделения доехать.

– Пожалуйста, пожалуйста, – улыбнулся Марлен Михайлович» [Там же, с. 94].

«– Хотите кофе? – предложила женщина. – Мой дом совсем близко.

– Извините, – поинтересовался Буш, – а колбасы у вас нет?» [5, с. 158].

«Продавщица сидит, рукой щеку подперла. Народ входит, ругается-плюется. А Авдотьюшка вошла, постояла, передохнула и спрашивает:

– Лангетика посвежее не найдется, милая? Или антрекотика помягче?» [Там же, с. 144].

4. Одним из интересных аспектов русской диалогической речи, связанных с этикетом и заслуживающих особого внимания, является эвфемизация сообщения. При этом в контексте диалога отсутствуют лексические или грамматические единицы, которые были бы индикатором этикетной речи. Представляется, что средством речевого этикета в таких случаях выступают высказывания (которые можно условно обозначить как шифтерные), функцией которых является перенос акцентов, направленный на смягчение ситуации или её альтернативную трактовку.

«– Но вы же могли дать знать ей, – сказал Иван, сочувствуя бедному больному, – кроме того, ведь у нее же ваши деньги? Ведь она их, конечно, сохранила?

– Не сомневайтесь в этом, конечно, сохранила. Но вы, очевидно, не понимаете меня? Или, вернее, я утратил бывшую у меня некогда способность описывать что-нибудь» [3, с. 322].

В данном диалоге собеседник Ивана произносит фразу «Или, вернее, я утратил бывшую у меня некогда способность описывать что-нибудь» и тем самым подчеркивает отсутствие необходимости решать вопрос о том, кто прав или виноват в данной ситуации. Приведенное высказывание, таким образом, приобретает функцию СРЭ.

5. Основной особенностью русской речи XX века является высокая степень автоматизации формул речевого этикета, при которой этикетные формулы теряют свою функцию и вызывают либо нейтральную, либо негативную реакцию со стороны собеседника. В качестве примера приведем два диалога из романа С. Д. Довлатова «Компромисс», где используется воспроизводимая и частотная фраза «Все будет хорошо», вошедшая в систему РЭ в определенный период развития русской языковой культуры. Как явствует из диалогов, приведенных ниже, указанная формула утратила семантику заинтересованности и намерения говорящего поддержать собеседника; утрата исходного содержания повлекла за собой потерю первоначальной функции указанного высказывания как единицы речевого этикета (ЕРЭ).

«Вдруг я понял, что она сейчас заплачет. <...>

– Прошу тебя, успокойся. Все будет хорошо. Все знают, что я к тебе привязан. <...>

Марина достала крошечный розовый платочек, вытерла глаза. Заговорила спокойнее:

– Ты можешь быть серьезным?

– Конечно.

– Не уверена. Ты совершенно безответственный» [5, с. 36].

В контексте данного диалога, несмотря на фразу «все знают, что я к тебе привязан», фраза «Все будет хорошо» не снимает напряжения с героини, понимающей «неосмысленный», автоматический характер употребления расхожего высказывания «все будет хорошо».

В следующем диалоге употребление той же ЕРЭ «все будет хорошо» не вызывает негативных эмоций, однако реакция Жбанкова «Что значит – будет?» также подчеркивает понимание им автоматизированного характера употребления ЕРЭ, что лишает её соответствующей функции в диалоге.

«Эви коснулась моего рукава...

– Тебя ждет Лийвак.

– Все будет хорошо.

– Что значит – будет? – рассердился Жбанков. – Все уже хорошо!» [Там же, с. 108].

Подобная автоматизация формул речевого этикета не может трактоваться как антиэтикет, во всяком случае, употребляя формулы речевого этикета таким образом, собеседники не нарушают правила речевого этикета.

Автоматизация ЕРЭ проявляется, в частности, в эллипсисе, что превращает ЕРЭ в средство выражения негативного отношения к собеседнику или его поведению. Данное утверждение удобно проиллюстрировать следующим диалогом.

«– Помилуйте, Андрей Арсеньевич! – Старик всплеснул руками, изображая невероятную политическую хитрость. – Да кто же не знает!.. Кто же не ценит!.. Вы даже не представляете, как мы здесь, на чужбине, радуемся родному слову, будь то московская “Правда” или симферопольский “Курьер” Мы, рус...

– Я бы вас попросил, Витольд Яковлевич!.. – Несмотря на сослагательное наклонение и многоточие, эта фраза Лучникова прозвучала невыносимой дерзостью» [1, с. 141].

В данном диалоге ЕРЭ «я бы Вас попросил» в контексте проведенного диалога звучит как угроза, что усугубляется эллипсисом: неэллиптическая ЕРЭ, вероятно, прозвучала бы несколько иначе, например «я бы Вас попросил этого не говорить (не делать)».

6. Одним из признаков русской речевой культуры является взаимодействие с английской речью, что выражается в спорадическом употреблении английских слов вместо русских. К примеру, в романе В. Аксенова «Остров Крым» использование английской лексики является признаком речи одного из главных героев.

«Лучников, Антон и Памела зашли за угол, где обнаружили красный “Турбо” в полной сохранности.

– Можете взять мой кар, ребята, – сказал Лучников. – А я тут немного поброжу в одиночестве» [Там же, с. 62].

В данном случае использование слова *car* не связано с этикетом, но в литературе отражены случаи употребления английских слов и в функции средств этикета, что, однако, неизбежно приводит к снижению регистра общения.

«– Просим прощения, леди, – сказал солдат, – мы чуть-чуть опоздали. Ваша сумочка, леди. Прошу сюда. Наша машина в порядке. Можете ничего не опасаться, леди. Мы доставим Вас в гостиницу. <...>

– А вы-то кто? – спросила Таня.

– “Эр-форсиз”, леди. Подразделение Качинского полка специальных операций, – улыбнулся парень. <...> Успокойтесь, леди, теперь все в порядке» [Там же, с. 306].

В данном диалоге обращает на себя внимание реплика Тани «А вы-то кто?», указывающая на отсутствие коммуникативного эффекта у соответствующих английских слов, которые, по мнению говорящего солдата, должны способствовать поддержанию речевого этикета.

Обращает на себя внимание изменение отношения представителей русской языковой культуры к заимствованной лексике. В XIX веке употребление французских слов в русской речи было знаком более высокого регистра общения и не противоречило речевому этикету [2, с. 64]. В XX веке отношение к использованию иноязычной лексики изменилось: использование английских слов, как правило, не только не свидетельствует о повышении регистра, но и воспринимается как неуместное.

7. Одним из типичных явлений русской речи являются антиэтикетные трансформации формул, характерных для речевого этикета в XIX веке. Особенно частотны антиэтикетные трансформации обращений, связанных со старой нормой.

«– Позвольте мне задать Вам встречный вопрос, господин Лучников. Для чего Вы спрашиваете о Сталине? – генерал взирал на визитера с ложной любезностью, которая, разумеется, представляла за собой угрозу» [1, с. 144].

В данном диалоге обращение «господин» не сопровождается выражением уважения к собеседнику, что подтверждается авторским комментарием, указывающим на имплицитно-негативные коннотации использованного обращения.

Выводы

Подводя итог анализу употребления СРЭ в современной русской речи, можно утверждать, что для нее характерны следующие основные явления, связанные с поддержанием РЭ.

1. Отличительной особенностью русской речи XX века является высокая степень автоматизации формул речевого этикета, при которой этикетные формулы теряют свою функцию и вызывают либо нейтральную, либо негативную реакцию со стороны собеседника. Подобная автоматизация ЕРЭ проявляется, в частности, в эллипсисе, что превращает ЕРЭ в средство выражения негативного отношения к собеседнику или его поведению.

2. Коммуникативная инверсия, сопровождающая вопросы.

3. Эвфемизация сообщений, связанная с шифтерными высказываниями, функцией которых является смягчение ситуации.

4. Одним из типичных явлений русской речи являются антиэтикетные трансформации формул, характерных для речевого этикета в XIX веке. Особенно частотны антиэтикетные трансформации обращений, связанных со старой нормой.

Невозможно отрицать, что русский язык располагает набором СРЭ, связанных не столько с инвентарем языковых средств, сколько с характером их употребления и сопутствующими семантическими процессами, такими как автоматизация ЕРЭ, коммуникативная инверсия, эвфемизация сообщений с сопутствующими семантическими сдвигами, а также антиэтикетные трансформации ЕРЭ, связанных со старой нормой.

Список источников

1. Аксенов В. Остров Крым: роман. М.: Эксмо, 2009. 512 с.
2. Баталов А. А. Способы выражения и функционирования средств речевого этикета на материале художественной литературы XIX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (71): в 3-х ч. Ч. 1. С. 63-67.
3. Булгаков М. А. «Я хотел служить народу...». Проза. Пьесы. Письма. Образ писателя. М.: Педагогика, 1991. 736 с.
4. Вепрева И. Т. О кодифицированной норме в современной культурно-речевой ситуации: норма и мода // Русский язык сегодня: сб. статей. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 2006. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. С. 111-119.
5. Довлатов С. Компромисс. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2017. 224 с.
6. Ерофеев В. Русские цветы зла. М.: Подкова, 1997. 501 с.
7. Кронгауз М. А. Речевого этикет: внешняя и внутренняя типология [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2538/krongauz.pdf> (дата обращения: 02.12.2017).
8. Крылова О. А. Приветствия и этикет // Русская речь. 2001. № 4. С. 58-61.
9. Ларина Т. В. Англичане и русские: язык, культура, коммуникация. М.: Языки славянских культур, 2013. 360 с.
10. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 226 с.
11. Прилепин З. Обитель. М.: АСТ, 2016. 746 с.
12. Рождественский Ю. В. Принципы современной риторики / под ред. В. И. Аннушкина. М.: Наука, 2005. 176 с.
13. Тырникова Н. Г. Общее и специфически национальное в речевом этикете (на материале русского и английского языков): дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2003. 143 с.
14. Формановская Н. И. Культура общения и речевого этикета. М.: ИКАР, 2005. 250 с.
15. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002. 215 с.
16. Чехов А. П. Лошадиная фамилия: повести и рассказы. М.: АСТ; АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2008. 348 с.

THE PECULIARITIES OF THE RUSSIAN SPEECH ETIQUETTE OF THE XX CENTURY

Batalov Aleksandr Aleksandrovich
Ogurechnikova Nataliya L'vovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
thebatalovs@gmail.com; ogurechnikowa@mail.ru

The article is devoted to the analysis of speech etiquette in Russian literature of the XX century. In accordance with the established order of behavior in the society, the interlocutors, as a rule, show a polite, benevolent attitude to each other in the speech, using units of language that can serve occasionally as the instrument for rendering etiquette norms. The study reveals the features of the Russian speech etiquette, which are associated not so much with the inventory of linguistic means as with the nature of their use and the accompanying semantic processes.

Key words and phrases: means of speech etiquette; language culture; communicative inversion; euphemization of messages; semantic shift; anti-etiquette transformation.

УДК 811.111:34+070(410)

Статья посвящена исследованию ключевых концептов юридического дискурса LAW (закон) и RIGHT (субъективное право) с точки зрения их реализации в англоязычных текстах СМИ. Установлено, что концепт RIGHT (субъективное право) представляется интегрирующим, а LAW (закон) является интегративным. В рамках одного и того же предложения имена данных концептов объективируются разными способами. Наиболее полно основные имена law (закон) и right (субъективное право) концептов LAW и RIGHT реализуются в аргументативном типе текстов.

Ключевые слова и фразы: концепт; юридический дискурс; понятийная составляющая; закон; субъективное право; дескриптивный текст; экспликативный текст; аргументативный текст; англоязычные СМИ.

Бритвина Кристина Васильевна
Новосибирский государственный педагогический университет
kristina.britvina@gmail.com

**РЕАЛИЗАЦИЯ КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТОВ
ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ТЕКСТАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ
(НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТОВ LAW (ЗАКОН) И RIGHT (СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО))**

Изучение лингвистических аспектов юридического дискурса на материале различных языков относится к актуальным проблемам современного языкознания. Роль юридического дискурса (ЮД) значима в современных англоязычных СМИ, т.к. в нем наиболее отчетливо проявляется интерпретационная составляющая коммуникации между автором и читателем. Современный ЮД реализуется в различных видах текстов и представляет собой коммуникативное событие, включающее социальные и культурные условия, участников и их функции, а также общественные правила.

Тематика и содержание ЮД широко отражается в современном англоязычном публицистическом дискурсе. Тематика текстов англоязычного юридического дискурса охватывает широкий спектр сверхчастотных концептов права: ARGUMENT (доказательство), TRUTH (истина), LAW (закон), VIOLATION (нарушение), JUSTICE (правосудие), MORALITY (мораль), REPUTATION (репутация), WITNESS (свидетель) и др.

Кроме вышеназванных концептов, необходимо выделить особую группу базовых концептов, или суперконцептов, являющихся необходимой пресуппозицией существования любого правового общества. К данной группе следует отнести в качестве основных такие концепты, как LAW (закон) и RIGHT (субъективное право).

Релевантность исследования ключевых правовых концептов LAW (закон) и RIGHT (субъективное право) обусловлена их высокой степенью вербализации в английском языке и воплощением в коммуникативной деятельности юридического дискурса. Данные концепты в вербализованном виде реализуются в юридическом дискурсе через систему различных специализированных языковых единиц.

Современные исследования ориентированы на характеристику концепта ЗАКОН (LAW) в английском и русском наивно-правовом сознании, не подчеркивая текстовый анализ [6, с. 8]. Концепт СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО (RIGHT) является неизученным, в связи с этим требуется разработка фреймовой структуры концепта и его реализации в текстовых структурах.

Целью исследования является анализ концептов LAW (закон) и RIGHT (субъективное право) юридического дискурса в текстах англоязычных СМИ. В качестве исследовательских задач было определено выявление дефиниционных признаков концептов, анализ основных имен концептов и установление специфики их реализации в текстах англоязычных СМИ.